

Вроде бы юбилей, но грустный. Потому что итоги этих тридцати лет неутешительны. Главный печатный орган движения, французский журнал «Элеман» (№ 94, февраль 1999), решил отметить историческую веху аршинными буквами на первой странице: «Новые правые в 2000 году». Но, согласно комментарию информационного бюллетеня «Мюнисьон» (июнь 1999 г.; издается Федерацией Европейской культурной деятельности ФАСЕ, которую возглавляет г-н Жильбер Сенсир), выход этого номера не стал событием. Получился всего лишь пузырь с двумя обычными для «Новых правых» недостатками: двусмысленностью позиции, что находит свое выражение в заявлении: «Наша публика – правая, но мы сами ближе к левым», и в еще более безответственном тезисе: «Во имя права на различия мы выступаем за право иммигрантов на сохранение своей культуры». Результатом этого, согласно комментарию, будет балканизация Европы через 30 лет.

Вот к чему пришли сегодня «новые правые». Но откуда они появились? В чем они «правые», и что в них, собственно говоря, нового?

И тут мы становимся свидетелями спора, достойного гоголевских персонажей, которые никак не могли решить, кто из них первым сказал «Э!». В соответствии с этим и дата «тридцать лет» оказывается весьма условной.

«Нувелль де Синержи Эропъен» (№ 32, январь-февраль 1998) вообще отдает пальму первенства не французам, а немцам. Первыми якобы стали называть себя «новыми правыми» деятели «Общества немецко-европейских исследований» (ДЕСГ), возникшего на базе журнала «Юнгес Форум», который начал выходить в Гамбурге еще в 1964 году. Вдохновителями этого Общества были Хартвиг Зингер, Лотар Пенц, Михаэль Майнрад, Герт Вальдеман, Александр Эпштейн и Вольфганг Штраус.

Претенденты на роль первопродумателей междоветия «Э!» есть и в самой Франции. Один из них – г-н Мишель Микберт, который в 1973 году создал некую тайную организацию в замке Иньи, а 20 апреля 1976 г. организовал телепередачу, обращенную к «новым правым».

Подоплека всех этих претензий становится ясной из той критики, которой подверг Патрик Канаван в журнале «Вулуар» (№ 9, весна 1997) книгу Арно Иматса «По ту сторону правых и левых» (Париж, 1996). По мнению рецензента, Иматс не учел в достаточной степени иностранные влияния, поэтому создается впечатление, будто Ален де Бенуа создал движение в Париже «из ничего», а это далеко не так. Однако, если итальянцы Джорджо Локки, Пино Раути, Марко Тарки и швейцарец Армин Молер, действительно, иностранцы для французов, то роль таких отцов-основателей движения как Доминик Веннер, Жан Мабир, Пьер Виаль, Гийом Фэй уж никак нельзя отнести к разряду «иностранных влияний».

Сам Ален де Бенуа отнюдь не собирался брать патент на термин «новые правые» и говорил, что этот ярлык придумали журналисты («Вулуар», №59-60, декабрь 1989), когда в 1979 году открыли для себя движение, к тому времени существовавшее уже десять лет, и подняли вокруг него шумиху.

Условной же датой начала движения считается 17 января 1969 г., когда в Ницце была зарегистрирована Группа исследований европейской цивилизации (ГРЕСЕ), – в Париж она перенесла свой центр в 1970 году. Как и в случае с немецким ДЕСГ, французская организация также сложилась вокруг печатного органа – журнала «Нувелль Эколь», существовавшего уже с марта 1968 года. Этот год был в Европе пиком движения «новых левых». Новые правые, таким образом, родились одновременно с ними, только без шума и грохота. Как говорил Ницше, «мир вращается вокруг создателей новых ценностей бесшумно».

Ален де Бенуа, конечно, действовал не на пустом месте. Он начинал в рамках уже имевшихся структур.

В 1950 г. во Франции возникла организация под названием «Молодая нация». Ее создали братья Жак и Пьер Сидо, отец которых был расстрелян как видный деятель вишистского режима. В руководство организации входил и вышеупомянутый Доминик Веннер, ныне издатель прекрасного исторического журнала «Ль`Анкет сюр ль`Истуар».

«Молодая нация» выступала за французский Алжир, против де Голля, что вызвало ее роспуск и арест П. Сидо и Д. Веннера. Но ее активисты создали в 1960 г. Федерацию студентов-националистов. В ней принял участие и молодой Ален де Бенуа (р. 1943 г.), который выступал тогда под псевдонимом Фабрис Ларош. Он вместе с Д. Веннером был соавтором манифеста «За позитивную критику» (1962). Д. Веннер считал, что крайне правые нуждаются в четкой доктрине. А. де Бенуа учел эти пожелания (Ариана Шебель д`Аполлониа. Крайне правые во Франции от Морраса до Ле Пена. Брюссель, 1988).

Роберт Стойкерс в брошюре «Гийом Фэй, его вклад в движение «новых правых» и краткая история его ухода» (1996) пишет, что это движение объединяло как «старых», так и «новых» правых. Упомянутый Г. Фэй был в нем новым человеком, который не принадлежал ни к какому крылу традиционных французских правых. Он не имел связей ни с вишистами, ни с ОАС, ни с католиками-традиционалистами. А. де Бенуа, в отличие от него, такие связи, как мы видели, имел. Р. Стойкерс уверяет, будто настоящих руководителей движения никто не знал, и в то же время проговаривается, что решения принимали несколько «старых борцов». Возможно, их поддержка способствовала выводу движения на орбиту, но, так же возможно, что их опека и не дала ему стать тем, чем оно могло и должно было стать.

Как уже говорилось, новые правые тихо просуществовали десять лет, прежде чем на них обратили внимание СМИ и сделали из них сенсацию вроде чудовища озера Лох-Несс. Поскольку в связи с этим было написано достаточно много разной чуши, А. де Бенуа счел нужным дать разъяснения от первого лица и выпустил в 1979 году книгу «Идеи как они есть». Русский перевод одной из глав из этой книги напечатан в журнале «Атака» № 104.

В этой книге А. де Бенуа дал определение, кто такие правые. «Я называю правой, – писал он, – позицию, с которой разнообразие мира и относительное неравенство как его неизбежное следствие рассматриваются как благо, а тенденцию к увеличению однородности мира, являющуюся результатом двухтысячелетнего господства эгалитарной идеологии, – как зло». «Я вижу врага не в левых и не в коммунистах, а в той эгалитарной идеологии, разновидности которой, религиозные или светские, метафизические или якобы «научные» процветали на протяжении двух тысяч лет. «Идеи 1789 года» – лишь этап ее развития, а коммунизм – ее неизбежное следствие».

Когда заходит речь об эгалитарной идеологии, понятно, в чей огород летит камень в первую очередь – в огород христианства. И по этой линии уже намечается четкое размежевание между «новыми» и «старыми» правыми. Подобно тому, как у нас русское

национальное движение не стало национальным, т.е. общенародным по той единственной причине, что в нем задавала тон горстка интеллектуалов-гуманитариев, заклиненных на «православии-самодержавии», на ностальгии по «Святой Руси» и не представлявших себе никакой другой «русской идеи», так и во Франции был, например, Шарль Моррас со своей триадой, ничуть не хуже нашей – «роялизм, церковь, разум», отрицательно относившийся ко всему, что имело место после 1789 года, но «французская идея», столь узко понятая, не обладала такой монополией, как наше «самославие-праводержавие». Преодоление архаических идеалов духовного старичья, независимо от реального биологического возраста «старых правых», началось во Франции раньше, чем у нас, но за тридцать лет этого процесса было сделано и много ошибок, которые теперь критически переоценивают сами французские «новые правые» и на которых должны учиться мы, чтобы их не повторить.

Гийом Фэй, согласно характеристике, которую дает ему Р. Стойкерс, был воистину движущей силой ГРЕСЕ и в конечном счете один воплощал «новых правых». Тем не менее он вынужден был уйти из ГРЕСЕ в 1987 году и на 12 лет исчез с горизонта. Однако недавно вышла его новая книга «Археофутуризм», в которой как раз и содержится суровая критика ошибок «новых правых».

По мнению Г. Фэя, «новые правые» с самого начала занимали двусмысленную позицию, то обращаясь к классическим темам крайне правых, особенно немецких, то проповедуя левацкие, антирасистские и происламские идеи. И сегодня «новые правые» не исправили эти ошибки, а лишь еще более их усугубили.

Второй главной ошибкой Г. Фэя считает политизацию язычества, попытку создать на его основе догматическое учение в противовес христианскому. Оголтелый антикатолицизм странным образом сочетался у «новых правых» с открытой симпатией к Исламу, что крайне опасно политически в связи с объективно существующей исламской угрозой Европе и абсурдно идеологически, так как Ислам представляет собой жесткий теократический монотеизм, «религию пустыни» в сыром виде, тогда как католицизм испытал на себе сильное влияние языческого политеизма.

К сожалению, эту же порочную политическую линию продолжают сегодня генеральный секретарь ассоциации «Европейская Синергия» Р. Стойкерс и его союзники в Италии, которые занимают происламские позиции. Как наш А. Дугин и ему подобные «евразийцы», они очарованы миражом союза с Исламом против США, совершенно не соответствующим политической реальности. А реальность эта достаточно убедительно описана в книге Александра дель Валле «Исламизм и США – союз против Европы»

(Лозанна, 1997).

Когда-то коммунисты характеризовали «фашизм» как «ударный отряд мирового империализма» и призывали к созданию «антифашистского фронта». Независимо от того, была ли верна эта формула в прошлом, она будет верна сегодня, если подставить в нее другие величины. Вопрос надо ставить так: современный исламизм – ударный отряд американского империализма, главная угроза миру во всем мире, от Косово до Минданао. Этой угрозе нужно противопоставить антиисламистский фронт народов мира.

Исламизм угрожает не только Европе. Он угрожает России на Северном Кавказе и в Поволжье, угрожает Индии в Кашмире, угрожает Китаю в Синьцзяне. И действительное воплощение в жизнь «евразийской идеи» может выглядеть сегодня только так: союз России, Китая и Индии против Ислама.

Происламские симпатии европейских «новых правых», их флирт с «разукрашенными народами», выражаясь словами Андрея Платонова, т.е. со странами третьего мира, делали их в прошлом врагами русских, так как украинцы, крымские татары, литовцы, армяне и прочие якобы «угнетенные» окраинные народы СССР считались «естественными союзниками» и «новых правых» (Э.Р. Кармин. Черная Империя. Мюнхен, 1997, с. 547). Поэтому в какой степени нынешние «новые правые» являются естественными союзниками России, это мы еще «будем посмотреть».

Главным критерием должен являться, безусловно, цивилизационный подход. Или Россия принадлежит к европейской цивилизации, или ей в этой принадлежности отказывают только на том основании, что географически ее большая часть находится в Азии. Но это лишь географически. Донеся европейскую цивилизацию до берегов Тихого океана, русские тем самым передвинули до этих берегов и границы Европы. Это понимал еще Наполеон, для которого Европа простиралась от Геркулесовых столпов до Камчатки. Это понимал покойный Жан Тириар, мечтавший о Великой Империи от Дублина до Владивостока. Это понимает лидер итальянских «новых правых» Марко Тарки, для которого вся территория от Португалии до Сибири – один континент («Вулуар», № 71-72, январь-февраль 1991). Это понимает ведущий геополитик «Европейской Синергии» Луи Сорель, который пишет, что Европа как цивилизация простирается в действительности от Атлантического до Тихого океана (Л. Сорель. Элементы европейского глобального мышления. Изд. «Европейская Синергия», 1996).

С этой точки зрения, например, Албания, хотя она и находится в Европе, это не Европа. Зато Индия, хотя она и находится в Азии, сохранила духовное индоевропейское наследие даже в большей чистоте, чем европейские народы, так что Индия в какой-то степени даже больше Европа, чем сама Европа. Зато арийские народы, принявшие Ислам, где бы они ни жили – в Европе (албанцы, босняки) или в Азии (народы Пакистана, Ирана и Афганистана) – к европейской цивилизации больше не принадлежат. То же самое можно сказать об отдельных личностях, перешедших в Ислам, таких как Рене Генон или Клаудио Мутти, – это ренегаты европейской цивилизации и их имена должны быть вычеркнуты из духовной истории Европы.

Ален де Бенуа говорит: «Изучая истоки европейской цивилизации, мы знаем теперь, что все культуры в их основных составляющих (кельтской, германской, греческой, латинской и т.д.), не говоря о культурах Среднего Востока и Индии, восходят к общей индоевропейской модели, идеологию которой мы теперь хорошо знаем, «идеологию» в смысле духовной системы, ставшей основой идеальной организации индоевропейского общества и позднейших европейских обществ. Во Франции Жорж Дюмезиль посвятил основную часть своих трудов изучению этой индоевропейской «идеологии», главный элемент которой – трехфункциональная концепция общества. Это означает, что идеально организованное общество иерархически делится на три части: правителей-священников, воинов и производителей». «Сегодня эта трехфункциональная схема поставлена с ног на голову; богатство стало общим мировым законом, деньги – мировой религией» («Орьянтасьон, № 11, июль-август 1989).

«Новые правые», по словам А. де Бенуа, тем еще отличались от «старых», что никогда не считали себя сугубо национальным движением. Идею государства-нации они противопоставили идею Империи. Патрик Канаван называет «языческую» тему Империи фундаментальной в этом течении («Вулуар», № 9, весна 1997). За образец бралась Римская империя, которую А. де Бенуа называет «самым замечательным в истории человеческим творением». Идея Империи для него это «своего рода архетип», но образцом остается римская модель («Вулуар», № 59-60, ноябрь-декабрь 1989).

Здесь невооруженным глазом прослеживается влияние идей Ю. Эволы. Но позволительно спросить: чем идеализация древнего Рима имперской эпохи или средневековой Священной Римской империи лучше идеализации французской или российской монархии? А идеализация здесь налицо, это ясно каждому историку. И если обвинять «старых» правых в архаичности их идеалов, то в противопоставлении им идеалов еще более архаичных никакой новизны нет. Марко Тарки очень верно заметил, что в словосочетании «новые правые» ударение нужно делать на слове «новые», а не на слове «правые». На вопрос о значении трудов Эволы М. Тарки ответил, что Эвола дал очень правильную критику современности, но у него мало конкретных положительных

элементов, нет альтернативной модели. Те, кто читает только Эволу, рискует впасть в пустые мечтания и сектантство («Вулуар», № 71-72, январь-февраль 1991).

А ведь выработка альтернативной модели как раз и была главной целью «новых правых». И с прискорбием приходится констатировать, что с этой задачей они не справились. Р. Стойкерс признает в своей брошюре о Гийоме Фэе: «За 30 лет своего существования парижские новые правые не предложили никакой последовательной реформы французских учреждений, не развили идеи регионализма, которые могли бы стать рычагом глобального изменения якобинской системы, не дали проекта экономической реформы на основе голлистского «участия в прибылях» и тезисов Франсуа Перру или других диссидентов экономической мысли». Р. Стойкерс даже подозревает, что некие закулисные злодеи сознательно мешали созданию новой идеологии. Но здесь уместней вспомнить поговорку про плохого танцора и про то, что ему мешает. Смысл: ищи причину неудачи в себе самом, а не в чужих кознях.

По словам А. де Бенуа, «новые правые» ставили своей целью положить конец монополии левых в области культуры («Идеи как они есть», с. 14). Он не брезговал и настоятельно советовал не брезговать левыми источниками вдохновения, в частности, взял на вооружение теорию А. Грамши, согласно которой невозможно завоевать политическую власть, не обеспечив себе предварительно господство в области культуры. История Франции давала тому яркие примеры, и «новые правые» открыто претендовали на ту же роль, какую сыграли Вольтер и Руссо в подготовке Великой Французской революции. Но...

«... шпарит рифмами Фрейлиграт:

Из него Гораций не вышел».

С критикой заимствованного у французов грамшианского подхода выступил в статье «Нищета «правых» интеллектуалов» лидер австрийских «новых правых» Юрген Хатценбихлер («Нувелль де Синержи Эропъен», № 28, июнь-июль 1997). Дело не в том, что неверна идея Грамши, а в том, что не учитывается современная ситуация, когда все идеалы сведены к мнению большинства добропорядочных обывателей и цензура с точки зрения «политической корректности» стала не только внешней, но и внутренней.

Ю. Хатценбихлер называет грамшианскую концепцию «культурной гегемонии» наркотической и перечисляет причины, по которым это направление постигла печальная судьба:

- 1) не существует единого движения «новых правых»;
- 2) поиски идеального мировоззрения привели к отрыву от реальности;
- 3) лозунги «консервативной революции» стерлись от бесконечного повторения;
- 4) эти правые интеллектуалы создали свой, герметически замкнутый мирок.

По первому пункту Хатценбихлер отмечает, что в 60-х годах к «новым правым» относили немецких национал-революционеров, но сегодня от этой школы практически ничего не осталось, а ее лидер Хенниг Эйхберг перешел в левый лагерь. Другая часть «новых правых» вынула из нафталина антидемократические идеи времен Веймарской республики. Третья стала внедряться в ряды буржуазных партий.

Ю. Хатценбихлер признает, что идейное наследие «консервативной революции», фундаментальную монографию о которой написал А. Молер, остается золотой жилой и доказывает, что правые не всегда были дураками, но нельзя забывать и о том, что эта революция потерпела неудачу. Нужно было развивать ее идеи, а не бездумно повторять их. «Новые правые», не внося ничего нового, жили старым идейным багажом, создали для себя утешительное мировоззрение и идеализированный образ «народа», ничего общего с реальным народом не имеющий. Интеллектуалы из «новых правых»

превратились в секту, варящуюся в собственном соку.

Ведомство по защите Конституции, бдительно следящее в Германии за любыми правыми шевелениями, подтверждает, что «новые правые» перестали представлять собой единое целое (см. его отчет за 1995 г. в журнале «Атака» № 1000). Так Дитер Штейн, редактор берлинского еженедельника «Юнге Фрайхайт», долгое время считавшегося публицистическим флагманом «новых правых», заявил в 1995 г., что не имеет с ними «почти ничего общего», чем навлек на себя обвинения в капитуляции перед системой.

Те, кто не пожелал капитулировать, создали в Берлине т.н. «Немецкий лекторий», который постепенно распространил свою деятельность на всю Германию. Главным теоретиком этого направления и вообще наиболее выдающимся идеологом в современной Германии является Райнхольд Оберлерхер (русские читатели имели возможность познакомиться с переводом его статьи «Номадология» в журнале «Атака» № 72). Р. Оберлерхер – ровесник А. де Бенуа, он родился в 1943 г. в Дрездене, в 1958 г. переехал из ГДР в ФРГ и с тех пор живет в Гамбурге. В 1968 году он был одним из теоретиков «Социалистического немецкого студенческого союза», но в 80-х годах перешел в националистический лагерь. Оберлерхер сам называет себя не правым, а «национал-марксистом» и, по мнению Ведомства по защите Конституции, «представляет в настоящее время самый радикальный и бескомпромиссный вариант «революционного национализма». Характерное для Оберлерхера сочетание крайне левого и крайне правого идейного наследия, как отмечено в цитируемом отчете, отнюдь не уникально. Тот же А. де Бенуа писал: «Вопрос о том, являюсь ли я правым или нет, не имеет для меня никакого значения. В настоящее время я исповедую правые идеи, но... я вполне могу представить себе ситуацию, в которой они станут левыми» («Атака», № 104), Марко Тарки также указывает на необходимость синтеза, который будет не то чтобы не правым и не левым, а одновременно и правым, и левым («Вулуар», № 71-72, январь-февраль 1991). Наконец, Р. Стойкерс считает необходимым выйти за рамки концепции, предполагающей деление на левых и правых («Нувелль де Синержи Эропыен», № 30-31, октябрь-декабрь 1997).

Германское Ведомство по защите Конституции пришло к верному выводу: «Термин «новые правые» как политическое определение становится непригодным. Его можно применять только к изданиям, которые сами себя так определяют, таким как кельнский журнал «Ойропа Форн» (редактор – Манфред Роус).

«Европейская Синергия» на совместной конференции с немецким обществом ДЕСГ в ноябре 1997 г. также решила отказаться от термина «новые правые» как от устаревшего

и заменить его другим – «Европейское синергетическое движение» («Нувелль де Синержи Эрופן», № 32, январь-февраль 1998).

Крупнейшей организацией «новых правых» была французская ГРЕСЕ, которая насчитывала несколько тысяч человек, но ее лучшие времена остались далеко позади. Ариана Шебель (цит. соч. с. 327) считает, что А. де Бенуа имел широкую аудиторию до 1981 года. Р. Стойкерс в брошюре о Гийоме Фэе называет апогеем деятельности ГРЕСЕ период с 1979 по 1984 год, а Патрик Канаван вздыхает о ее «великой эпохе 70-80-х годов» («Вулуар», № 9, весна 1997). Нынешнее же состояние «новых правых» Арно Иматс в книге, которую рецензирует П. Канаван, оценивает весьма сурово: «Уже минимум лет десять движение выглядит исчерпавшим себя, переживает упадок и продолжает существовать лишь в реликтовом состоянии». С этим согласен и Р. Стойкерс: «Движение «новых правых» захирело, оно умирает медленной смертью и живет только блеском своего прошлого».

Роковую роль в судьбе ГРЕСЕ сыграли также периодически сотрясавшие ее организационные кризисы. Их печальную историю поведал нам Р. Стойкерс.

Первый раскол произошел в 1977-78 годах, когда свою игру с курсом на «респектабельность» начали вести Иван Бло и Жан-Ив Ле Галлу, известные впоследствии деятели Национального фронта. Интересная закономерность: они же выступили главными застрельщиками раскола в рядах Национального фронта и опять в погоне за все той же «респектабельностью». И. Бло, правда, вовремя опомнился и вернулся к Ле Пену, но место в Европейском парламенте он из-за этих передраг потерял.

Большой потерей для ГРЕСЕ был уход из нее в 1979 г. итальянского журналиста и философа Джорджо Локки (1923-1992), постоянного автора «Нувелль Эколь», Как писал в некрологе Дженнари Мальери («Вулуар», № 97-100, январь-март 1993), Локки сыграл основную роль в эволюции французских «новых правых». Его идеей была идея Европы, которой больше не существует, но которая вечна. В 1979 г. он выпустил книгу под названием «Американское зло». Именно Локки и Гийом Фэй придали деятельности европейских «новых правых» антиамериканскую направленность. Об этом говорил и сам Г. Фэй в интервью одной итальянской газете, опубликованном в «Нувелль де Синержи Эрופן» (№ 35-36, июль-сентябрь 1998) Такую же антиамериканскую позицию давно уже занял А. де Бенуа.

В начале 80-х годов из ГРЕСЕ ушел ее спонсор Филипп Марсо, потом был со скандалом исключен генеральный секретарь организации Карью, который пытался навести порядок в ее делах. После потерпел неудачу на этом же поприще и ушел Жильбер Сенсир. В 1987 г. с ГРЕСЕ окончательно порвал Г. Фэй. Тогда же ушел генеральный секретарь организации в 1978-84 гг. и главный редактор ее центрального органа «Элеман» (выходит с 1973 г.) Пьер Виаль, который занял видный пост в Национальном фронте, а теперь и там стал одним из раскольников. Перестал работать на ГРЕСЕ и один из главных вдохновителей ее создания писатель Жан Мабир (в № 104 журнала «Атака» напечатана глава из его книги «Туле» и статья «Фашизм это тупик»).

Бывшие активисты ГРЕСЕ – Сенсир, Стойкерс, Нотэн и другие создали в 1993 г. ассоциацию «Европейская Синергия», но и она оказалась не застрахованной от расколов, о чем свидетельствует вынужденная отставка г-на Сенсира с поста президента этой ассоциации весной 1998 года.

Еще более печально положение «новых правых» в Италии. Как пишет наш тамошний корреспондент г-н Эдоардо Лонго, «в Италии этого культурного движения больше не существует». Там тоже все перессорились: г-жа Алессандра Колла, которая теперь возглавляет «Европейскую Синергию» ненавидит Марко Тарки, который остался верен Алену де Бенуа, и Пино Раути, руководителя той части «Итальянского социального движения (ИСИ), которая сохранила приверженность старым идеалам, которым изменил Фини. По словам г-на Лонго, в Италии все правые ненавидят само слово «новые правые»: это движение так и не стало чем-то реальным, его ориентиры расплывчаты. Так журнал «Орион», который издает г-жа Колла, отказывается публиковать статьи по расовым проблемам и по истории итальянского фашизма, так что многие итальянские читатели не понимают, каково же, в сущности, направление этого журнала.

Тенденция к расколам – общее свойство человеческой природы; не было ни одного религиозного или политического движения, которому удалось бы избежать этой напасти. Зато сумбур в головах – болезнь, в принципе, излечимая.

Впечатление полного сумбура возникает при чтении списка авторов, которые, по свидетельству А. де Бенуа, влияли на «новых правых» в период формирования их движения («Идеи как они есть», с. 19): Ницше и Парето соседствуют в нем с Прудоном и Бертраном Расселом, Шпенглер и Баррес – с Максом Вебером и Шелером, Дюмезиль и Мирча Элиаде – с Маринетти и Д.Г. Лоуренсом (автором романа «Любовник леди Четтерлей»), Монтерлан и Эрнст Юнгер – с Конрадом Лоренцом и Эйзенком, Хайдеггер – с Карлом Шмиттом и т.д. Конечно, никому не хочется оказаться под властью новой

догматики с непререкаемыми авторитетами, но слишком широкий разброс – это тоже плохо. А еще хуже, если отсутствует правильный принцип отбора.

Левые критики ставили в вину «новым правым» биологизм. Однако, вместо того, чтобы принять вызов, А. де Бенуа стал оправдываться и даже доказывать с цифрами в руках, что в «Нувелль Эколь» материалы по биологии, генетике, этологии и т.п. занимают по объему всего 13%, а в «Элеман» – вообще 3%, и закончил тем, что торжественно провозгласил «примат культуры над природой, истории над биологией». Все учения, построенные на биологической основе, были объявлены заведомо ложными (цит. соч. с. 22-23). Таким образом, с самого начала был взят неверный тон и неверный критерий.

Враги, впрочем, все равно не поверили. Как пишет Ариана Шебель («Крайне правые во Франции»... с. 347), «в Пантеоне «новых правых» нет ни Гитлера, ни Муссолини, но есть Гобино, Х.С. Чемберлен, Ваше де Лапуж, Эвола, Ганс Ф.К. Гюнтер». Что касается Гобино, то его взял под защиту сам А. де Бенуа. Когда какой-то еврей объявил труды Гобино «преступными», Бенуа возразил, что это столь же глупо, как возлагать на Руссо ответственность за ГУЛАГ («Атака», № 104). Другой еврей, Монза (Шеррер), попытался утопить «новых правых» вообще и А. де Бенуа в частности, повесив им на шею четырех якобы «нацистов» – Ганса Ф.К. Гюнтера, Л.Ф. Клаусса, Герберта Янкуна и Франца Альтхайма. В связи с этим Р. Стойкерсу пришлось объяснять еврейскому невеже (см. «Вулуар», № 105-108, июль-сентябрь 1993), что Гюнтер не имел ничего общего с нацизмом, Клаусс никогда не проповедовал расовую ненависть, Альтхайм – всемирно признанный авторитет в области античной истории и классической филологии, а Янкун всю жизнь занимался только археологическими раскопками на побережье Северного моря.

Так что не надо бояться «одиозных» имен, надо разобраться, кто и зачем сделал их одиозными, кто и зачем компрометирует научные авторитеты, труды которых только и могут стать единственной прочной основой новой идеологии. И не надо бояться биологии и «биологизма». Как пишет С.Б. Морозов, автор замечательной книги «Заговор против народов России сегодня» (М., 1999, с. 8), «на сегодняшний момент чисто социальное представление не предлагает ни истинного описания процессов, ни возможности прогнозирования. Социально-биологические (представляющие социальные механизмы общества как производные от его биологических характеристик) теории должны заменить марксизм».

В отличие от А. де Бенуа биологией не пренебрегал гораздо менее известный у нас немец Гюнтер Барч, который еще в 1975 г. сформулировал в книге «Революция справа?

Идеология и организация новых правых» шесть главных принципов мировоззрения «новых правых» и поставил при этом на первое место биогуманизм как философскую надстройку с опорой, прежде всего, на достижения современной этологии, в частности, на работы Конрада Лоренца. По этой причине Э.Р. Кармин называет мировоззрение «новых правых» натуралистичным: оно отвергает как исторический материализм, так и философский идеализм, считая, что человек появляется на свет с врожденной структурой инстинктов, которые нельзя ни подавить, ни заменить другими.

Вторая идейная основа «новых правых» – западная теория познания логического эмпиризма, идея «западного синдрома», которая призвана объяснить, почему Европа стала важнейшим центром мировой цивилизации. Логический эмпиризм представляется «новым правым» специфическим методом мышления белой расы, прежде всего, европейцев.

С биогуманизмом связан биологический взгляд на человека; согласно этому взгляду, человек не должен быть игрушкой капитализма. Из всех этих предпосылок вытекает этноплюрализм в сочетании с учением Иенсена о неравенстве людей и со стремлением использовать современную генную технологию в евгенических целях. Этноплюрализм устанавливает биологическую иерархию рас и народов, в которой высшее место занимают европейские нации.

С этноплюрализмом связано и понимание «новыми правыми» социализма. Носителем социализма является не какой-то определенный класс, а «неделимый народ». Преодолеть противоречие между капитализмом и социализмом должно господство политики над капиталом. Масштабом ценности отдельного человека служит чувство национальной солидарности. Каждый настоящий националист в соответствии с целостным, биологическим мировоззрением уже социалист. Так что националистическая и социалистическая идея в объединенном виде продолжают существовать, и отнюдь не Гитлер является обладателем патента на этот синтез, а французский правый писатель Морис Баррес, который проповедовал национальный социализм во времена авантюры генерала Буланже, когда Гитлер еще и не родился. В конечном счете, концепция европейского социализма у «новых правых» имеет не столько экономическое, сколько стратегическое и политическое значение общеконтинентальной революции, «третьего пути», преодоления как капитализма, так и социализма. (Э.Р. Кармин. Черная империя, с. 545-546).

И Эвола, и Хайдеггер постоянно повторяли, что коммунизм и американизм это, в сущности, одно и то же. И после краха коммунизма т.н. «либерализм» сразу же показал

свою тоталитарную суть. Он претендует на гегемонию, хочет уничтожить все альтернативные модели, любую национальную самобытность (М. Тарки. «Вулуар», № 56-58, октябрь-ноябрь 1989). Поэтому новая идеология, как считает Марко Тарки, должна быть противоположной и марксизму, и либерализму («Вулуар», № 71-72, январь-февраль 1991).

Гюнтер Барч пророчествовал еще в 1975 году: «Внешнеполитической предпосылкой успеха «новых правых» станет новая русская революция» (Э.Р. Кармин. Черная империя, с. 538). В Европе движение «новых правых», как мы видели, переживает сегодня упадок. И – «да сбудется реченное пророками»: задача русских «новых правых» – влить в это движение новые силы, дать ему новые стимулы. И эта задача нам по плечу.